

Август 11

Звонок на сотовый разбудил. Я перед экраном так и уснул не раздеваясь. Как встал, так собственный запах в нос шибанул. С похмелья жуткого, с перекура такого, что кажется, будто даже выдыхаю сигаретным дымом. Противно стало до чертиков. Во что превратился?

Трубку взял и поморщился от крика в динамике.

— Жевтун, — орал начальник СОГа Тарас, — ты куда пропал? У тебя дело о взятках завтра в суде должно быть, а ты даже обвинение еще не предъявил. Подследственного вечером выпускать придется. И Копытко в командировку слинял. Мне прикажешь за всех вас работать? Эх, на восток бы вас, паразитов, отправить. Там бы попрыгали зайчиками.

Ух... меня словно ледяной водой обдало. Я первую волну мобилизации успешно профилонил.

— Через час буду, — буркнул в трубку и отключился.

Пока под обжигающими водяными струями стоял, все пытался понять: почему вся моя жизнь — как пожеванный бутерброд. Кому я там, наверху не угодил?

Из душа вышел, как из материнской утробы: свеженький, словно огурец. Сейф открыл, на собственный боекомплект посмотрел с удовольствием. Карабин охотничий — АК 47, 1972-го года выпуска. Немного переделан, чтобы очередями не пулял, но да ничего... на тех, кого надо, и одиночных хватит. Да личинку бойка я куда-то спрятал, чтобы сын случайно не выстрелил. А то он у меня дюже любопытный.

Едва на работу пришел, сразу Тарас прибежал. Как прибежал, так и орать начал, словно потерпевший.

— Ша, — сказал я ему, — последний допрос и я этому «откатчику» тряпочному предъявляю обвинение. У меня вся доказуха давно собрана. Завтра утром передаю дело в суд.

У Тараса от сердца отлегло. Он на стул напротив уселся и сидит, пятерней обмахивается.

— Копытко что-то не отвечает, — сказал мне. — Хотел его тоже на хрен послать, а телефон отключен.

— Запил, наверное, — буркнул я. — Или по шлюхам загулял.

Тарас улыбнулся широко, а потом и вовсе захохотал.

— Точно. Он это дело сильно любит.

Уже на выходе начальник обернулся и, хитро прищурившись, вдруг спросил:

— Ты зачем Аньке нос сломал?

У него жена в травме медсестрой работает. Видать, моя благоверная ей поплакаться успела.

— Заработала, — ответил я.

Тарас головой покачал:

— Ну, иногда надо. Иногда они кроме этого никаких слов не понимают. А уж Анька-то твоя и давно...

Тут мне интересно стало. До того интересно, что я даже со стула встал и к Тарасу подошел.

— Ты что, тоже с ней трахался?

— Ну что ты, Рома? — искренне удивился Тарас. — Как ты мог подумать? Слухи ходили, не более. Слухи...

Похлопал он меня по плечу и дверь за собой прикрыл. Слухи, значит. Интересно, почему же они до меня не дошли?

— Аня, — спросил я ее в первый вечер, когда домой провожал, — а чего ты больше всего хочешь?

Помню, как она улыбнулась. И от этой улыбки вместо Луны на небе появилось Солнце. Да до того яркое, что я аж зажмурился.

— Выйти за тебя замуж, — ответила она.

Сказано-сделано. Через два месяца свадьбу играли. Я тогда как раз старлея получил и из стажеров в СОГ перевелся на полную ставку. На хозяина того кафе, где свадьба гремела, я уже доказуху собирал. Да меня за руку остановили, там в том деле тогдашний прокурор был замешан. Который потом в область ушел.

А я пьяный тогда был до чертиков. Микрофон взял, чтобы приветственное слово жениха сказать, да и ляпнул сдуру:

— Я на месте этого кафе еще на танке потанцую.

Ух и перепугались они все. Я и по трезвяку могу зарядить не глядя, а уж по пьяни совсем удержу не знаю.

А слухи доходили, только я им верить не хотел. Все думал, что завидуют моему счастью. Что мстят за что-то.

Значит, было это девятого. Десятого вечером я к пастору в гости пошел, присвистывая.

Калитку он открывать мне, конечно же, не хотел, но да это дело нехитрое. С ноги ударил, да она с петель слетела.

Да, еще пса я его утром котлеткой с изониазидом накормил, чтобы он у меня под ногами не пугался.

Хозяин от меня в спальне спрятался. Под кровать. Как ребенок, ей-Богу. Можно подумать, я его там не найду.

— Вылезай, отче, — крикнул я. — Вылезай, а то хуже будет. Вообще тогда на хрен дом спалю. Поджаришься, как Жанна Д`Арк.

Отче крикнул, что-то пробормотал, но из-под кровати вылез. Весь в пыли, глаза дурные.

— Рома, сын мой, — начал этот паскудник проповедовать. — Вспомни, я тебя предупреждал. Я глаза круглые удивленные сделал:

— Ты что, святой отец, думаешь, что я тебя убивать пришел? Ты же меня крестил. Как можно? Я поговорить пришел. Поговорить, кино посмотреть и душу твою грязную от демонов очистить.

Поверил, дурачок. Расслабился, вздохнул свободно.

— Рома, — опять балалайку свою завел, — женщины — суть зло. Вспомни, как говорил Екклесиаст...

Вот тут я ему под дых и зарядил. Заманал он меня своим Екклесиастом натурально. Пастор пополам согнулся, воздух из легких со свистом выпустил. Я на всякий случай еще по маковке его шарахнул. Чтобы не мешался.

Потом на стул усадил (тяжелый, гад. Не иначе ни одного поста не соблюдал, праведник), простыней примотал. Пока пастор в отключке вздыхал, я у него скотч нашел. Поверх простыни, как коконом заклеил. Отошел чуть поодаль, на свою работу полюбовался. Красота!

Рот ему заклеивать не стал, пусть говорит, а то мне скучно станет. А я — парень веселый, поговорить дюже люблю. Только окна задраил намертво, чтобы соседей ненароком не разбудить.

А пока я у него в гостиной ящики перерывал в поисках киношек, тех что от 18 лет и до

бесконечности, пастор очухался.

— Роман, — услышал я его голос, — не сходи с ума. Давай поговорим.

— Поговорим, поговорим, — бормотал я. — До рассвета долго, успеем наговориться.

На пороге спальни я появился сияющий, как корабельная рында. С ноутом под боком и тремя дисками в руке. Похоже, отче успел избавиться от их большей части. А вот эти почему-то заныкал. Жлоб, одно слово.

— Готов? — спросил я пленника. — Начинается сеанс для взрослых.

Поставил ноут на тумбочку напротив его стула, включил в розетку и зарядил. Сам улегся на пасторовскую кровать без простыни и закинул ноги в берцах на подушки.

— Рома, не надо, — скулил отче. — Прости меня, не знаю, что она со мной творила. В нее словно бесы вселились.

— Ш-ш-ш, — остановил его я. — Сейчас самое интересное начнется.

Самое интересное началось. Но не то, чего ожидал даже я. Я тогда с Тарасом был в командировке на востоке. Расследовали военные преступления. Сука, меня там чуть не грохнули. А эти...

На супружеской постели, под свадебным фото. В другой комнате мирно сопели дети. МОИ дети!

Был один пастор. Все в камеру светил молочным своим пузом, да дряблой задницей.

— Рома... , — заныл этот скот, — я тебе все объясню.

Я молча встал, пошел в сарай и принес оттуда канистру с бензином. Когда эта сволочь увидела, с чем я пришел, у него волосы зашевелились.

— Ты не сделаешь этого, — забормотал он. — Я же крестил тебя.

— Вот поэтому, — ответил я, — сейчас твоя очередь. Только крестить буду не водой, а пламенем очищающим. Надо тебе, отче, перед Господом появиться чистеньким. А что от всякой душевной нечисти лечит лучше всего? Только огонь.

Падре сидел, облитый горючим. Лупал глазами и кровь стремительно отливала от его лица.

— Я не зверь, — зачем-то предупредил его я. — Дам тебе последнее слово. Говори.

Включил диктофон на сотовом и приготовился слушать. Пастор заухал совой, заплямкал губами и вдруг расхохотался. Бредовым смехом сумасшедшего.

— Последнее слово? Так будет тебе мое последнее слово. ДНК детям сделай, придурок. Она с нами без презиков веселилась. Они ее раздражали.

Я отошел подальше, посмотрел в дикие, безумные, водянистые глаза духовного своего наставника, чиркнул кремнем зажигалки и бросил ее в кокон.

А папашу навещу завтра. Очень мне хочется узнать, почему мои детки так похожи на моего красавца — кобеля папочку.

Август 12

— Жевтун, — Тарас влетел в кабинет, — слышал, что дом проповедника сторел?

— Слышал.

— Говорят, помог кто-то поджечь.

— Плевать.

Тарас устроился на стуле напротив и пристально взглянул на меня. Я сделал самое невинное лицо и перебирал бумаги на столе. Что-то складывал в стол, что-то отправлял в урну.

— Ты же к этому не имеешь отношения, правда? — спросил начальник.

— Я спал.

— Верю. Что с тобой происходит? Это из-за Аньки, да?

Я поднял на него тяжелый взгляд. Тарас вздрогнул и даже чуть отодвинулся вместе со стулом.

— Почему я ничего не знал? — спросил его я.

Начальник поднялся и отошел к стене.

— Бабе замуж надо было выходить. Детей рожать и все такое прочее. А из наших ее никто не брал. А ты же шесть лет в Киеве прожил. Пока в КГУ учился, да работал где-то там. Потом только сюда назначение получил. Ты же уезжал, она соплей тринадцатилетней была. Только потом в полную силу вошла. Ну, и... пока не стерлась окончательно, решила тебя захомутать. Ты же такой принципиальный был. Одна и на всю жизнь. Вот она и стала для тебя той самой — первой. Это Виталик придумал.

Поднялся я медленно. Ладонями в стол уперся, да на Тараса уставился. Не знаю, что он в моих глазах прочитал, но побледнел, как полотно.

— Не дури, — поднял он ладони. — Я к тебе с предложением.

Ладно, выслушаю, хотя и недосуг. Нет у меня времени.

— Мы знаем, — начал Тарас, — что Копытко — это твоя работа. И пастор тоже. Анька сидит дома и нос боится на улицу высунуть. Чего ты хочешь? Мести? Ну, давай я тебе ее на аркане притащу, да ты ее измордуешь до полусмерти. Тогда успокоишься?

Мне даже весело от его слов стало. Можно подумать, если бы я хотел ее убить, я бы этого не сделал.

— Ты что? — ответил я Тарасу. — Что ты мне предлагаешь? Она же святая женщина. Она, черт ее побери, мать моих детей. По крайней мере я на это надеюсь.

Тарас вздохнул тяжело, посмотрел на меня с жалостью и заговорил опять:

— Тогда у нас нет другого выхода, как сдать тебя. Рома, ты сам понимаешь, что ты натворил? Здесь мне стало еще смешнее. И ситуация, вроде, трагическая, а я смеюсь, как дурак. Даже воды из графина хлебнул, чтобы смех этот глупый остановить. Отер рот и весело посмотрел на начальника.

— Тарас, ты меня что, первый день знаешь? Сам же много научил. Так вот, я один за решетку не пойду. Все за мной отправитесь. Включая того осла, который сейчас в области. А уж «чистосердечные» буду строчить, как та швейная машинка «Зингер». Без устали, то есть. И всяческое сотрудничество со следствием клятвенно обещаю тебе прямо здесь.

— В общем-то я где-то так и предполагал, — ответил Тарас. — Поэтому у нас есть вариант Б. Даже два варианта Б. Либо несчастный случай, либо... ты не хочешь отдать своей Родине долг?

— Какой долг? — удивился я. — А что ж я по-твоему вот уже почти тринадцать лет делаю, как не долги Родине раздаю?

— У тебя неплохие шансы выжить. А как вернешься, там и все твои косяки простятся. Мы постараемся.

Дошло до меня. Наконец-то до меня хоть что-то дошло.

— Звони военкому, — процедил я, — пусть строчит повестку. Потому что я вас в покое не оставлю.

Тарас улыбнулся и вышел. А я отправился домой собираться. Я знаю, что не вернусь. Потому что не хочу возвращаться. Пусть папаша живет. Детям нужен дедушка.